

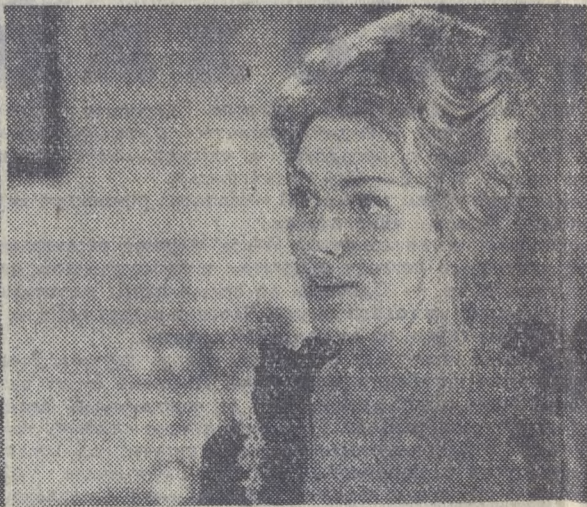

ОН УМЕЛ добиваться того, чего хотел. В течение относительно короткого времени он задумал и осуществил три экранизации Достоевского — «Идиот», «Белые ночи» и «Братья Карамазовы». Последнюю из картин он не успел завершить, работу над ней доведет до конца кто-нибудь из творчески близких ему мастеров. Похвалы и укоры рецензентов, зрительские сетования и аплодисменты награждают режиссера Ивана Пырьева уже посмертно.

Как подавляющее большинство авторов, он хотел и ждал, чтобы все его картины встречали одобрение и успех. В отличие от многих он не старался сделать вид, что все обстоит наоборот, что критика ему приятна, а комплименты тягостны и приводят в смущение. Он знал и свободно цитировал статьи, исследования, книги о Достоевском, письма и дневники писателя. Конечно, в области литературоведческой эрудиции у него имелось немало превосходших его соперников. Зато, наверное, было совсем не много ему равных в знании Достоевского практически, «изнутри». Опыт Пырьева по части того, «как надо ставить Достоевского», сейчас, в третьей по счету его картине по

По роману Достоевского...

Режиссер Иван Пырьев на съемках фильма

Кирилл Лавров — Иван Карамазов, Светлана Корношко — Катерина Ивановна.

Достоевскому, должен был быть огромным. Он очень уверенно, спокойно, собранно вел репетиции и съемки. Но был один вопрос, который продолжал его тревожить, и своей тревогой он не скрывал. И было это все то же: «Как надо сегодня ставить Достоевского?»...

В этой своей работе Пырьев искал особой сосредоточенности и глубины актерского исполнения. Для стиля игры, который ему виделся, у него был свой рабочий термин — игра «глаза в глаза». Кресло, которое ставили для него на съемочной площадке, почетное кресло режиссера-постановщика, как правило, пустовало. Вчера недовольно нахохлившийся, раздражительный, сегодня подтянутый и как-то даже пугающе благорасположенный ко всем, он перебегал от камеры в декорацию, присаживался на первый попавшийся боком стоящий стул, весь подавшись вперед, загасив обо что пришлось дымящуюся сигарету, требовательно впивался взглядом в лицо, в глаза актера. Хлопок в ладоши. Не то. Не то. Снова не то... Его нетерпимость к малейшей мелодической неточности шла от того, что на этот раз он проявлял повышенную непримиримую чуткость к звучанию, словно и небрежной, спотыкающейся, хранящей дыхание живой страсти фразы Достоевского. Несмотря ни на что, легким в работе человеком он, конечно, не был.

Зато, когда однажды во время съемок исполнитель одной из главных ролей несколько раз сбивался, оговаривался все на одной и той же простой фразе, а время шло, смена кончалась, происходящее выглядело уже каким-то злым наваждением, и, поскольку никто не свят, все, вместе взятое, начинало уже раздражать и смешить, — никто другой, как Пырьев, сумел проявить верх многотерпения и чуткости к актеру. Разумеется, прежде всего за этим стояла колоссальная опытность, давнее знание всех причуд и секретов актерской психологии: сколько их, разных, повидал он на своем веку, сколько из них дебютировало, узнало славу, ушло от него, успело состариться на его глазах...

«Актеры у нас хорошие», — с уверенностью говорил Пырьев о тех, кого он занял в «Братьях Карамазовых», придирчиво выбрал, собрал из разных театров, вызвал из разных городов. Он очень многого ждал от Лаврова. Восхищался Ульяновым. Был неизменно внимателен, мягок с молодыми исполнительницами двух главных женских ролей.

Как у каждого человека есть «свой» Пушкин, «свой» Чехов, «свой» Толстой, так был «свой» Достоевский

у Пырьева. «Не знаю, как для кого, но для меня самое главное в творчестве Достоевского — это огромное, неистребимое желание жить», — написано в пырьевской режиссерской экспликации к «Братьям Карамазовым». Фильм полнокровный, земной, плотский, построенный на контрастах глубоких и звучных красок, — такой виделась ему эта работа. Его третья картина по Достоевскому, оказавшаяся последней и итоговой.

Снимки А. Пашвыкина (фотоцентр «СК»), выполнены в один из последних дней жизни И. А. Пырьева.